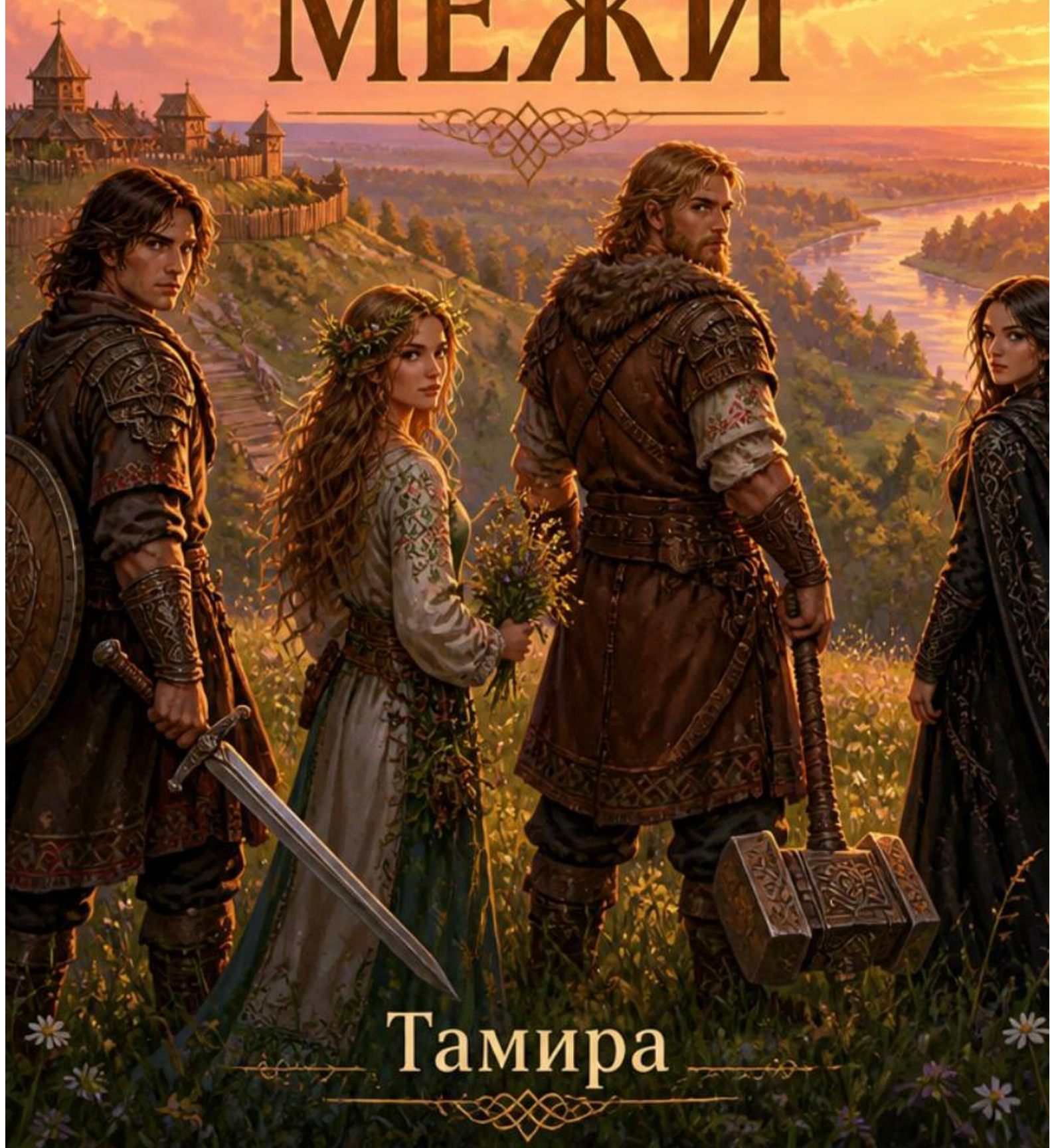

СТРАЖИ МЕЖИ

Тамира

Тамира .

Стражи межи

«Автор»

2026

. Т.

Стражи межи / Т. . — «Автор», 2026

Кровь аспиранта Ильи открыла портал под Москвой. Трое друзей — Илья, Алиса и Денис — оказались в телах подростков в дохристианской Руси XI века. Здесь граница между Явью и Навью трещит по швам. К ним присоединяется ведьма Милава с невыносимым характером и её фамилляр Крак — древний дух-трикстер. Чтобы остановить вторжение навьих тварей, героям предстоит отправиться к Чернобогу. Плата за знание непомерна: память о прошлой жизни, голос, внутренний покой и сам фамилляр, которого заберет владыка мертвых. Яромир учится быть Стражем Межи, расплачиваясь памятью. Беяна, лишённая голоса, слышит мысли деревьев. Горыня балансирует на грани безумия, сдерживая тревогу. В пограничном Берестовом Куте не хватает рук для обороны. Приближается полнолуние, открывающее врата навсегда. Героям нужно провести «Ритуал Костей». Между суровым воином и язвительной ведьмой вспыхивает чувство, но времени нет. Когда Велес предложит вернуться домой, они ответят отказом. Они уже там, где должны быть.

© . Т., 2026

© Автор, 2026

Тамира .

Стражи межи

Глава 1. Раскопки не по ГОСТу

Июль выдался душным и липким. Группа аспирантов кафедры археологии МГУ имени Ломоносова, вооружившись кирками, щётками и отчаянной верой в научное обоснование всего сущего, уже третий день ковыряла древнее капище в глухом лесу Владимирской области. Место было неприятным. На разведке у всех троих зачесались правые ладони, а телефоны один за другим потеряли сеть — хотя до этого ловили отлично.

Илья Соболев, двадцать два года, красный диплом, староста группы. Он любил порядок: отчёты вовремя, чёрный кофе без сахара, вещи по местам. Сейчас его штаны были измазаны торфом, а в волосах запутался червь, но Илья улыбался — потому что это была наука.

— Так, стоп, — сказал он, упервшись лопатой в какой-то камень. — У нас тут по плану должен быть культурный слой одиннадцатого века, а это пахнет... древнее.

Алиса Ветрова, двадцать один год, отложила щётку. Она умела копать, читать лекцию и следить за маникюром — одновременно. Ногти она грызла, когда нервничала. А нервировало её всё: отсутствие вайфая, комары и то, что её научпоп-блог с двухсоттысячной аудиторией стоял без обновлений четвёртый день. Посты она, конечно, запланировала на неделю вперёд, но без интернета даже отложенное не работает.

— Илья, ты у нас главный по запахам? — фыркнула она, но наклонилась. Камень и правда был странный. Базальт. Но самое удивительное — он был обработан. Ровные грани, подозрительно правильная форма. Природа так не умеет.

— Чую, ребята, — подал голос третий. Денис Грищенко, двадцать два года, несостоявшийся гений компьютерных наук, сидел на бревне и методично пытался найти сигнал на телефоне. — Что-то мы сейчас, за что нас из универа выгонят. Или награды дадут.

— Денис, ты уже три дня ничего не копаешь, — заметил Илья. — У тебя в руках кирка была ровно один раз, когда ты пытался открыть ею банку тушёнки.

— Это была разведка боем, — обиженно ответил Денис. — Я выяснил, что кирка для тушёнки не годится. Научный прогресс не стоит на месте.

Денис был толстоват, лохмат и писал диплом на Python, автоматизируя обработку керамики. Преподаватели его обожали и ненавидели одновременно. Его магия — видеть системы там, где другие видели хаос. Сейчас он видел систему в том, чтобы не копать, а ждать.

— Ладно, — сказала Алиса, почесав укусы на шее. — Давайте его аккуратно обкопаем. С трёх сторон.

Они копали ещё два часа. Солнце перевалило за полдень, лес зашумел тревожно. Когда камень показался целиком, даже Денис слез с бревна и присвистнул.

Это не был просто валун.

Это был алтарь.

Плита из чёрного базальта, отполированная временем почти до зеркального блеска, лежала на трёх ногах-столбах. По краям шёл незнакомый узор — ломаный, угловатый, его хотелось рассматривать, пока не заболят глаза. В центре плиты было углубление, вытянутое, похожее на... человеческую ключицу.

— Офигеть, — выдохнул Денис. — Это не капище. Это жертвенник.

— Не ори, — шикнула Алиса. — Я должна это снять. Для блага. «Археологи нашли чёртов алтарь в лесу, лайк если испугался».

— Не снимай, — резко сказал Илья. — Не сейчас. Посмотри на погоду.

Алиса подняла голову. Полчаса назад было ясное небо. Сейчас тучи сгустились мгновенно, ветер упал до нуля, наступила тишина, как перед грозой. Но грозой не пахло. Пахло озоном, старой кровью и... мёдом?

— Это эффект места, — сказал Илья, пытаясь звучать уверенно. — Такое бывает. Геомагнитные аномалии.

— Илья, мы на раскопках третий день, — напомнил Денис. — Где ты был раньше с геомагнитными аномалиями?

Илья не ответил. Он опустился на колени перед алтарём и провёл пальцем по желобку на камне. Глубоко. Острый край полоснул подушечку указательного пальца. Кровь — яркая, живая — капнула прямо в чашу в центре.

— Чёрт, — сказал Илья.

— Будь здоров, — машинально ответил Денис.

А потом земля ушла из-под ног.

Грунт просел, затрещал, из-под алтаря ударил луч — цвета утренних сумерек. Луч накрыл всех троих. Илья услышал голос — не ушами, головой. Голос был старым, как корни этих лесов, и холодным, как вода в роднике на Крещение.

«Кровь помнит. Кровь зовёт. Кровь отворяет порог».

Алиса закричала. Денис попытался схватить телефон — рука прошла сквозь экран, как сквозь дым. Илья не мог сделать ничего. Его тело выворачивалось, растягивалось в нить, вплетаясь в другие две. Они падали. Сквозь землю. Сквозь время.

Портал.

А потом всё кончилось.

Илья пришёл в себя на земле. Сырой, пахнущей мхом и дымом. Над ним качались ветки — древние дубы. Небо было чистым и чуть зеленоватым, какого не бывает над Москвой. Илья попытался сесть и понял, что его тело... не его. Руки стали шире, пальцы грубее, на правом предплечье — свежий шрам. И волосы. Длинные. До лопаток.

— Мамочка, — сказал он чужим, низким голосом.

Рядом застонала Алиса. Она выглядела иначе — коренастее, с тёмными косами и лицом дочери кузнеца или охотника. Села, потрогала лицо, потом грудь — на месте, спасибо и на том. Посмотрела на Илью.

— Илья? — спросила она голосом, в котором добавилось хрипотцы.

— Алиса? — переспросил он.

— Ты похож на викинга. Который объелся грибов.

— Ты похожа на ведьму из «Ведьмака». Сезон первый, до пластики.

Они помолчали. Где-то в кустах раздался храп. Денис — ростом под метр девяносто, с руками, которые могли бы гнуть подковы — лежал лицом в папоротник и мирно спал. Спал с тем же беззаботным выражением, с каким обычно просыпал пары по истории древнего мира.

— Денис! — рявкнул Илья, и от его нового голоса птицы шарахнулись в стороны.

Денис подскочил, взмахнул руками и тут же заорал, потому что этими руками он случайно вырвал с корнем небольшой куст.

— А-а-а! — заорал Денис. — Мои руки! Они... сильные!

— Мы заметили, — устало сказала Алиса. — Вопросы: где мы? Кто мы? И почему от меня пахнет луговыми травами, хотя я не пользовалась духами с двадцатого года?

— Ответов нет, — сказал Илья, вставая. Тело слушалось непривычно, но охотно. — Я вижу дым. Там, за лесом. Кто-то живёт. Пошли.

Они прошли через лес, который был слишком старым даже по меркам заповедников. На опушке Илья остановился и схватил спутников за руки.

Внизу, в ложбине, стояло городище. Крепость из брёвен, с частоколом, с дымом из десятка труб. Люди в льняных рубахах гоняли коз, дети носились с деревянными мечами, а на холме у капища стоял идол — вырезанный из цельного дуба, с рогами на голове и глазами из янтаря.

— Это не реконструкция, — прошептала Алиса. — Посмотри на их лица. Они не играют.

— Я знаю, — тихо сказал Илья. — Мы не в своём времени.

Денис сел на траву, обхватил голову руками и произнёс: — А если я запорол диплом? Он же там, в рюкзаке остался. На флешке. А тут даже розеток нет!

В этот момент с ветки, прямо над их головами, раздался голос. Низкий, бархатный, с интонациями дворцового, который застал вас за кражей ложек.

— Попали, — сказал ворон. — Ох и попали. Трое недорезов из будущего в телах троих недорезов из прошлого. А я-то думал, у меня выдалась скучная вечность.

Они подняли головы. На ветке сидел ворон. Глаза — не чёрные, а золотые, с вертикальным зрачком. И он улыбался. Птицы не умеют улыбаться. Этот умел.

— Ты кто? — спросил Илья, и голос его дрогнул.

Ворон склонил голову набок, будто оценивая товар.

— Я — Крак. Фамильяр той, кому вы сейчас нужны. Идите за мной. Не отставайте. Иначе сожрут.

Ворон взлетел. Илья, Алиса и Денис переглянулись.

— Я боюсь, — честно сказала Алиса.

— Я тоже, — сказал Илья.

— А я хочу есть, — сказал Денис. — Вон там, кажется, дымком пахнет. Не, ребят, вы как хотите, но если я сейчас не съем что-нибудь мясное, я начну жевать этого ворона. Даже если он разговаривает.

Они пошли за вороном.

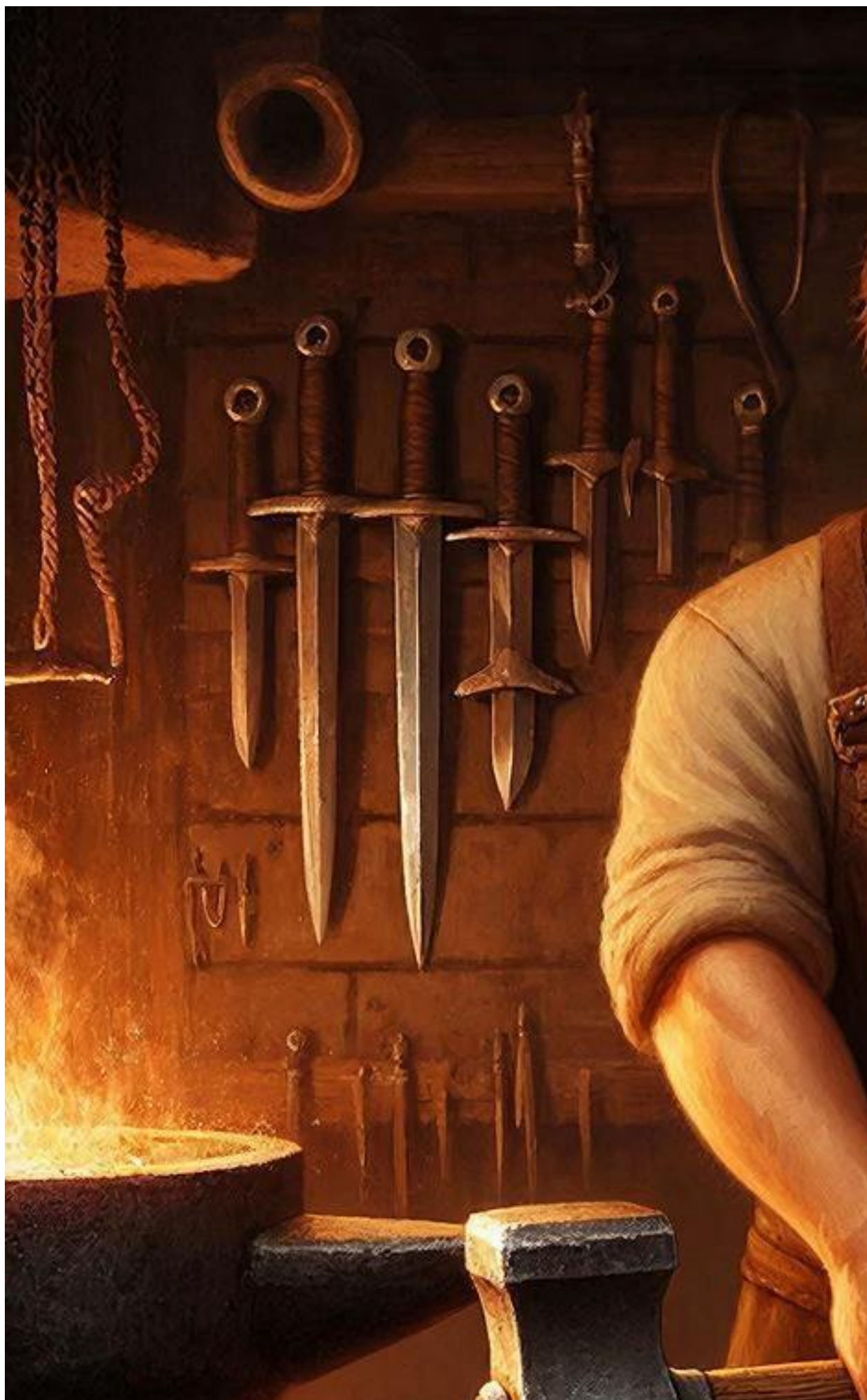
А позади, в лесу, на том месте, где они очнулись, трава на глазах чернела и увядала, вырисовывая на земле знак — тот самый, с алтаря. Ключицу. Предел. Межу.

И где-то глубоко, в мире, который люди называли Навью, чей-то голос прошептал:

— Кровь пришла. Отворяйте ворота.

Визуалы

Денис

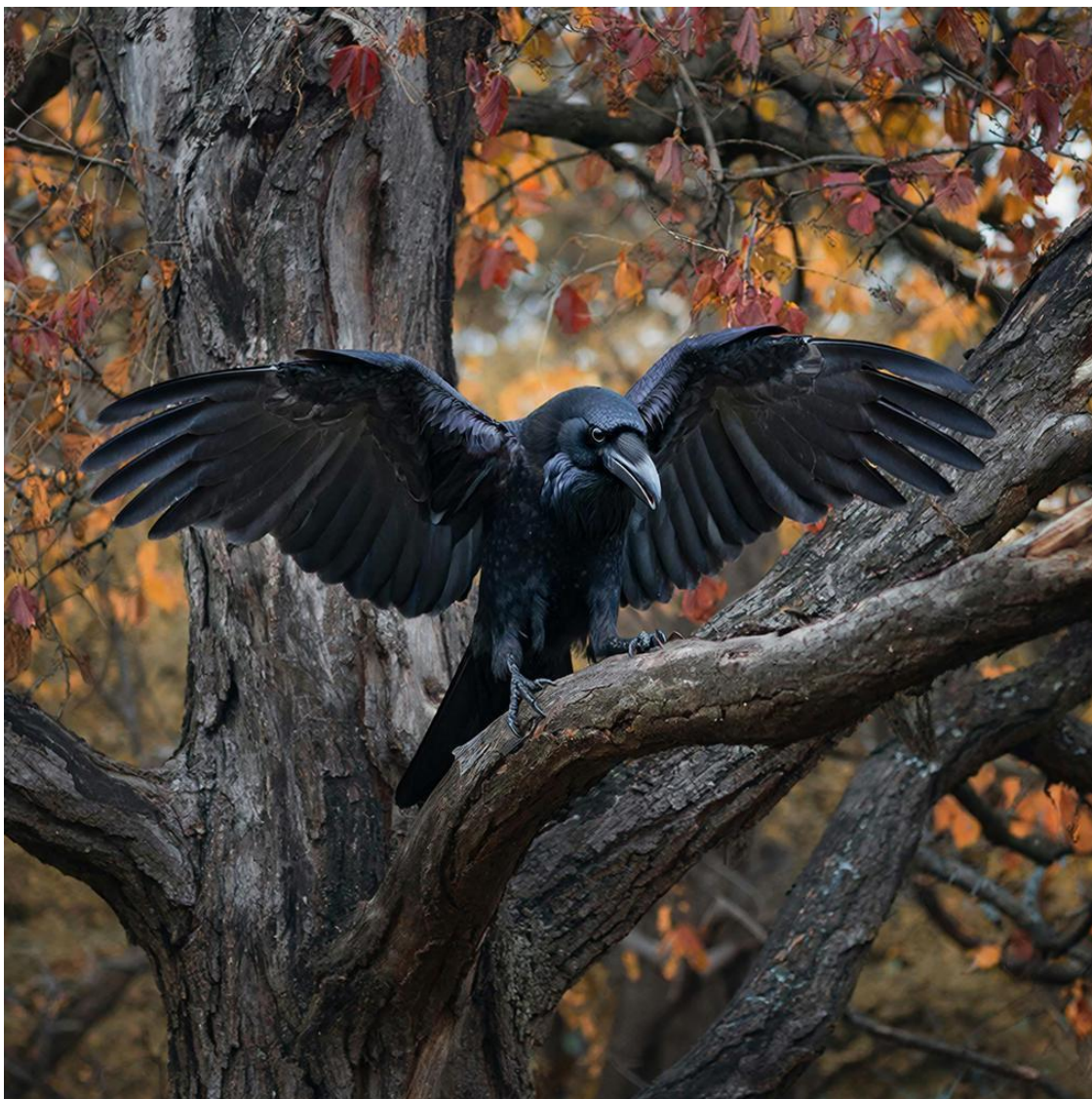
Алиса

Илья - Яромир

Крак

Глава 2. Чужие тела, местные проблемы

Ворон Крак летел низко, почти задевая крыльями папоротники, и делал это с видом оскорблённого достоинства. Илья, Алиса и Денис ломались за ним через чащу, и каждый посвоему ненавидел новую реальность.

— Я наступил в лужу, — сообщил Денис. — Нет, вы поймите. Я наступил в лужу обеими ногами. Одновременно. Как так вообще можно?

— Ты идёшь, как лось на транквилизаторах, — бросила Алиса через плечо. Она двигалась лучше остальных — тело новой ипостаси было поджарым и гибким, как у кошки. — Илья, ты как?

Илья шёл молча. Он чувствовал каждую косточку нового тела — широкие плечи, тяжёлые руки, шрам на предплечье, пульсирующий в такт сердцу. Что-то было не так с этим шрамом. Он не просто болел. Он звал. Указывал не на север — на городище внизу.

— Я жив, — ответил Илья. — Вопрос «зачем» пока открыт.

Крак приземлился на пенёк, сложил крылья и устался на них с выражением преподавателя, который только что принял экзамен у троих двоечников.

— Хорошо идёте, — сказал он. — После того, как час назад упали с неба в чужих телах. Я ожидал больше рвоты и истерик.

— Мы сдержанные люди, — ответил Илья.

— Твой друг только что пытался обнять дерево, потому что принял его за девушку, — парировал Крак.

— Это была очень женственная берёза, — обиженно сказал Денис. — И она мне улыбнулась.

— Это был лишайник, — сказал Крак. — Слушайте сюда, дети из будущего. Времени мало. Я отвечу на три вопроса. Потом пойдёте молча. В этом лесу даже птицы притворяются не птицами. Вы не хотите знать, кем.

Алиса шагнула вперёд, сложила руки на груди и посмотрела на ворона так, будто он был нерадивым комментатором в её блоге.

— Первое. Где мы?

— Земля, — сказал Крак. — Девятьсот тридцать шестой год. Междуречье Оки и Волги, земли вятичей. Вас закинуло на тридцать километров южнее городища Берестов Кут.

— Второе, — сказала Алиса, даже не моргнув. — В чьи тела нас вселили? И где их настоящие хозяева?

Крак моргнул. Медленно. По-птичьи, но с таким смыслом, что Илье стало не по себе.

— Хозяева, — повторил ворон. — Их звали Яромир, Беляна и Горыня. Сироты. Подростки, которых готовили к посвящению. Яромир — Страж границы, Беляна — друидка, Горыня — воин. Три дня назад они ушли на обрядовую охоту и не вернулись. Тела нашли у старого дуба. Живые, но пустые. Старейшины сказали — души ушли. И теперь в этих телах вы.

— То есть мы заняли чужие жизни? — тихо спросил Илья. — Они... умерли?

— Их души ушли в Навь, — ответил Крак. — Но вы здесь не случайно. Кровь, активировавшая портал, — твоя, — он повернул голову к Илье. — Ты потомок того, кто лежит в кургане. Твой предок был первым Стражем Межи. И он запечатал границу своей кровью. Теперь она прохудилась. Ты пришёл чинить.

— Я аспирант, — сказал Илья. — Я не чиню магические границы. Я пишу диссертацию по погребальному обряду фатьяновской культуры.

— Теперь будешь писать по живому обряду, — парировал Крак. — Третье.

Денис выступил вперёд, наступив по пути на сук, который под его весом лопнул громко.

— Третье, — сказал Денис. — Где тут ближайший туалет? И второй вопрос, не в счёт: кто такая та, к кому ты нас ведёшь?

Крак вздохнул. Так вздыхают только существа, которые живут уже третью тысячу лет и всё ещё не научились терпеть дураков.

— Ведьма. Милава. Ей девятнадцать. Живёт одна — деревня боится, она презирает. Фамильяр у неё я. Без неё вы не выживете и трёх дней. Граница протекает, навьи твари уже здесь, а вы не знаете, с какой стороны меч держать.

— Я знаю, — возразил Илья. — У меня есть разряд по фехтованию на исторических мечях.

— О, — сказал Крак. — У тебя есть разряд. Потрясающе. В Нави твари, которые жрут души, тоже имеют разряды. Мастер спорта международного класса по поеданию самонадеянных археологов. Идём.

Он взмыл в воздух, и они снова побежали — уже быстрее, потому что лес начал меняться. Деревья становились толще, мха на них — больше, а между стволами начали попадаться странные фигуры: камни, сложенные в пирамидки, ленточки на ветках, черепа на кольях.

— Это её земля, — сказал Крак, не оборачиваясь. — Не заходите за красные ленточки. Там ловушки.

— Какие ловушки? — спросила Алиса, но в этот момент Денис зацепился ногой за верёвку, и с дерева ему на голову свалилось ведро с чем-то липким и вонючим.

— Это были медвежьи фекалии, — пояснил Крак. — Свежие. Удачи.

Денис матерился по-программистски: «Фатальная ошибка сегментации! Исключение на нулевом указателе!» — и пытался отскрести от волос медвежьей фекалии.

Домик Милавы не был избушкой на курьих ножках. Бревенчатый сруб врос в землю, крыша поросла мхом, на крыльце сушились пучки трав. Из трубы шёл чёрный дым, пахнувший полынью и чем-то сладковатым. Дверь отворилась сама, скрипнув так, будто её не смазывали со времён деда.

На пороге стояла она.

Милава была не красивой. Жутковатой. Бледное лицо с острыми скулами, глаза цвета старого льда — почти белые, с едва заметной голубизной, губы тонкие, без улыбки. Волосы — чёрные, спутанные, с вплетёнными костяными бусинами и перьями. Одежда — чёрный плащ поверх грубой рубахи, расшитой на груди черепами.

Милава и Крак

— Крак, — сказала она голосом, который мог заморозить чай. — Ты привёл ко мне гостей. Я же просила не приводить гостей.

— Они упали с неба, — ответил ворон, усаживаясь ей на плечо. — Буквально. В телах Яромира, Беяны и Горыни. Память вышибло, или их души подменили. Я решил, тебе будет интересно.

Милава обвела их взглядом. Илья выпрямился. Алиса машинально поправила волосы. Денис вытер лицо и сделал шаг вперёд, протягивая руку.

— Здравсьте. Меня зовут Денис. Я программист. Вы не подскажете, как тут с интернетом?

Милава посмотрела на его руку, потом на лицо, потом на ворона.

— Он идиот? — спросила она.

— Одарённый, — поправил Крак. — Я чувствую в нём магию земли. Много. Неконтролируемой. Как у медведя, которому дали арбалет. Крак сказал, и я сама вижу.

— Интернет — это такая штука, — начал объяснять Денис, но Милава подняла руку, и он замолчал. Вокруг его горла сжалось что-то невидимое, прохладное и очень настойчивое.

— Тихо, — сказала ведьма. — Вы трое. Заходите внутрь. Я хочу посмотреть, кто вы на самом деле.

Внутри домик оказался больше, чем снаружи. Одна комната с очагом в центре, лавки вдоль стен, полки с банками, склянками, корешками и тем, что раньше, вероятно, было животными. На столе лежала раскрытая книга — из тонких дощечек, с буквами, которые Илья не узнал. Что-то древнее.

— Садитесь, — сказала Милава, указав на лавку. — Крак, не каркай.

— Я не каркаю, я комментирую, — обиделся ворон.

Они сели. Илья напротив Милавы, Алиса слева, Денис справа, потому что он самый широкий и его надо было куда-то деть. Милава взяла с полки глиняную чашу, плеснула туда из бутылка мутной жидкости, затем вылила обратно, посмотрела на осадок и нахмурилась.

— Вы действительно не они, — сказала она. — Яромир боялся темноты. Ты, — она ткнула пальцем в Илью, — смотришь на мои черепа без страха. Беяна была вегетарианкой и плакала, когда видела мясо. Ты, — палец пошёл в Алису, — сейчас думаешь, как бы сделать из меня мем. Я права?

— Удивительно, — ответила Алиса, пряча телефон, которого у неё уже не было. — Но нет, я думала о супе.

— Врёшь, — усмехнулась Милава. Усмешка вышла кривой, но живой.

— А ты, — она посмотрела на Дениса. — Ты самый странный. В тебе три слоя. Воин — сверху. Под ним — маг. А под магом — кто-то очень уставший, кто хочет лечь и чтобы его не трогали.

— Это я после дедлайна, — признал Денис. — Вы проницательная.

— Я ведьма, — ответила Милава. — Это моя работа. А теперь говорите. Кто вы, откуда и зачем вам моя помощь.

Илья вздохнул. Он посмотрел на Алису

Илья рассказал всё. Раскопки, алтарь, портал, кровь. То, что он потомок древнего Стража. Голос: «Кровь помнит». И то, что они не знают, как вернуться.

Милава слушала молча. Крак перелетел с плеча на печную трубу и оттуда сверлил их золотыми глазами. Когда Илья закончил, ведьма встала, подошла к очагу, бросила в огонь щепотку чего-то, и пламя на миг стало зелёным.

— Вы не вернётесь, — сказала она. — Не сразу. Портал открывается раз в сто лет. Следующий — через девяносто семь лет.

— У нас есть девяносто семь лет? — с надеждой спросил Денис.

— У вас есть до конца осени, — ответила Милава. — Граница между Явью и Навью проседает. Навьи князья объединились. Если они прорвутся, ваше будущее исчезнет. Ваш мир. Станет Навь. А вы станете их рабами. Или пищей.

В комнате повисла тишина. Было слышно, как потрескивают дрова, как где-то за стеной скребётся мышь, как Денис тяжело дышит через рот.

— И что нам делать? — спросил Илья.

— Выжить, — сказала Милава. — Научиться быть теми, чьи тела вы носите. Яромир должен стать Стражем. Беяна — друидкой. Горыня — воином. А вы — вы должны научиться их силам. Потому что без них вы не запечатаете границу.

— А ты? — спросила Алиса. — Ты с нами?

Милава посмотрела на Крака. Ворон кивнул.

— Я провожу вас в Берестов Кут. Представлю как выживших. Дальше старейшины решат. Отправят на обучение. Крак будет присматривать.

— Я буду присматривать с комментариями, — уточнил ворон. — Я не нянька. Я критик.

— Заткнись, — сказала Милава беззлобно.

Они вышли из домика. Солнце клонилось к закату, лес стал золотым, красным, злым. Где-то далеко послышался вой — не волчий. Тягучий, двойной, сводящий с ума.

— Это они, — сказал Крак. — Навьи гончие. Чуют свежую кровь. Нам нужно успеть до темноты.

— Бежим, — сказал Илья, и они побежали.

Денис споткнулся, упал лицом в куст, и из куста вылетела стая воронов, которые, пролетая, явственно прокаркали «ло-о-о-ох».

— Я это запомнил, — сказал Денис, поднимаясь. — Я запомнил лица каждой птицы.

— У них нет лиц, — сказала Алиса, подхватывая его под руку.

— Тем хуже для них.

Милава бежала впереди, и её чёрный плащ развевался, как знамя. Крак кружил над головами, высматривая тропу. Шрам на предплечье Ильи пульсировал всё сильнее.

Они выскочили к городищу, когда солнце коснулось горизонта. Частокол, ворота, стражи с копьями. Староста — бородатый мужик с медвежьим ожерельем — вышел навстречу, его глаза расширились.

— Яромир? Ты жив? Мы уж и надежду потеряли...

— Жив, — ответил Илья голосом, который ещё не стал его. — И не один.

Староста перевёл взгляд на Милаву, и его лицо окаменело.

— Хмарь, — сказал он. — Ты зачем привела сюда своих бесов?

— Бесы не мои, — ответила ведьма, кивнув на Илью. — Это теперь его бесы. Он — потомок. Кровь говорит за него.

Староста помолчал. Потом перекрестился — по-старому, двумя перстами, на восходящую луну.

— Заходите, — сказал он. — Утро вечера мудренее. А ночью не выходите за частокол. Нынче по лесу ходит то, что не должно ходить.

Они вошли. Ворота затворились. Денис, проходя мимо коновязи, погладил лошадь — та заржала громко.

— Твоя магия, — шепнул Крак, садясь Денису на плечо. — Выходит, когда нервничаешь. А ты нервничаешь всегда. Научись контролировать, или завтра от конюшни останутся щепки.

— Я не умею контролировать даже свой вес.

— Научишься. Или умрёшь. В этом мире третьего не дано.

Они шли по улице между домами, и из окон на них смотрели. В конце улицы, у капища с дубовым идолом, их ждал жрец в белом плаще, с посохом, увитым лентами.

— Здравствуй, потомок, — сказал он Илье. — Долго же ты шёл. Твой предок запечатал границу семьсот лет назад. Пора её чинить.

— Я не знаю как, — честно сказал Илья.

— Поэтому завтра встаёшь на рассвете. И начинаешь учиться. У тебя будет три месяца. Потом — Навь, или мы, или никто.

Илья посмотрел на Алису. Та сжала его руку. Посмотрел на Дениса. Тот пытался незаметно выковырять из волос медвежьей фекалии.

— Три месяца, — сказал Илья. — Будем работать.

— Это называется «археологические раскопки», — буркнул Крак. — Только наоборот. Вы не раскапываете прошлое. Прошлое раскапывает вас.

Глава 3. Берестов Кут. Обучение с ногой в рот

Берестов Кут встречал рассвет. Туман стелился по низинам, петухи орали, где-то за частоколом в последний раз взывала навья гончая — и смолкла, уползая обратно в Навь до следующей ночи.

Илья Соболев, он же Яромир, проснулся от того, что кто-то тыкал его в лицо мокрой тряпкой. Открыв глаза, он увидел Крака. Ворон сидел у него на груди и с видом заправского хирурга вытирал клюв о его щёку.

— Доброе утро, потомок, — сказал Крак. — Ты проспал молитву Велесу, завтрак и первый час стражи. Твои новые родители думали, что ты умер во сне. Я сказал им, что ты просто ленивый. Они успокоились.

— Который час? — простонал Илья, садясь. В избе было темно — окна затянуты бычьим пузырём, свет едва пробивался.

— По вашему — пять утра. По нашему — пора вставать, пока тебя не съели.

Алиса спала в соседней избе, у семьи, которая взяла на воспитание Беляну, пожилой друидки по имени Ведома. Алису разбудили не петухи. Её разбудил запах. Из кухонного очага тянуло чем-то до одури знакомым — кофе. Но откуда в десятом веке кофе?

Она выскочила из-за занавески и увидела Вedomу, которая варила в глиняном горшочке тёмную густую жижу, пахнущую цикорием, грибами и отчаянием.

— Это не кофе, — сказала старуха, заметив её взгляд. — Это корень одуванчика, сушёные мухоморы и кровь чёрного тетерева. Пьют для ясновидения. Твоя предшественница Беляна пила каждое утро. Будешь?

— Буду, — сказала Алиса. Научные сотрудники не боятся ядов, если те пахнут кофеином.

Она выпила. Вкус был как у жидкого асфальта, смешанного с надеждой. Но голова прояснилась мгновенно, и в углу комнаты она на секунду увидела чей-то силуэт — высокий, тощий, с ветвистыми рогами. Силуэт кивнул и растаял.

— Это Леший, — спокойно сказала Ведома. — Он проверял, настоящая ли ты друидка. Ты прошла.

— Я ничего не делала.

— Ты не обмочилась от страха, — пояснила старуха. — Для первого раза достаточно.

Денис, он же Горыня, ночевал в мужской половине длинного дома — на нарах, среди восьми других парней, которые храпели так, что у Дениса шевелились волосы на новом теле. Его разбудил не Крак, не петухи и не запах. Его разбудила собственная рука. Она светилась — бледно-землистым, тусклым светом. И под ладонью, на деревянных нарах, проступали корни — маленькие, тонкие, живые, тянущиеся из щелей между досками прямо к его пальцам.

— Ах ты ж... — выдохнул Денис и отдернул руку. Корни тут же втянулись обратно. — Ну точно, не кофе, а магия. И как с этим жить?

— С этим не живут, — раздалось над ухом. Крак сидел на балке под потолком. — С этим выживают. Вставай, земляной червь. Ваше обучение начинается через час. Старейшина велел собраться у капища.

Капище Берестового Кута стояло на холме, вокруг росли девять берёз. В центре — дубовый идол. Жрец Всеслав ждал у подножия. Рядом, скрестив руки на груди, стояла Милава. Крак сидел у неё на плече и чистил перья.

— Вы опоздали, — сказал Всеслав. — В Берестовом Куте за опоздание полагается штраф — три дня чистить конюшню.

— Мы не знали, — начал Илья.

— Теперь знаете. Всеслав усмехнулся в бороду. — Но так как вы новенькие, прощаю. Один раз. Дальше — конюшня.

Всеслав был из тех жрецов, которые не выглядели святыми. Кряжистый, с расколотым носом, в льняной рубахе, подпоясанной верёвкой с девятью узлами. Каждый узел — память о битве с Навью. Девять побед. Десятая, говорили в деревне, будет последней — либо его, либо Нави.

— Яромир, — обратился он к Илье. — Твой предок запечатал границу. Тебе предстоит её защищать. Иди к кузнецу. Получишь щит и меч. Вернёшься через час — начнём с азов.

— Беляна, — к Алисе. — Твоя наставница Ведомы ждёт тебя в священной роще. Там семь видов трав, кореньев и семь способов ошибиться. Ошибёшься — будешь три дня чистить конюшню вместе с Яромиром.

— Горыня, — к Денису. — Ты пойдёшь к Ратибору, нашему оружейнику. Он покажет тебе, как держать молот. И он покажет тебе, как не разрушать всё вокруг своей магией. Потому что сегодня ночью под твоей лежанкой проросли дубовые корни. Сквозь доски и глину. На два аршина вглубь.

Денис побледнел. В новом теле бледность была почти незаметна за слоем загара и грязи.

— Я не специально, — сказал он.

— Магия не бывает «специально», — ответил Всеслав. — Она бывает «контролируемо» или «смертельно». Иди.

Кузница Ратибора стояла на отшибе, чтобы пожар не сжёг всё городище. Ратибор был мужиком под два метра, с плечами, похожими на два валуна, и характером, похожим на наждак. Когда Денис вошёл, кузнец как раз выковывал лемех для плуга, и от каждого удара молота искры летели до потолка.

— Новенький? — спросил Ратибор, не оборачиваясь.

— Да, — сказал Денис. — Меня зовут Горыня.

— Знаю. Тот самый, который корни из-под пола пускает. — Кузнец повернулся и окинул Дениса взглядом, оценивающим прочность костей. — Держи.

Он кинул Денису молот. Тот весил килограммов пятнадцать. Денис поймал его одной рукой — новые мышцы работали как надо — и чуть не уронил от неожиданности.

— Лёгкий, — сказал он, пытаясь не показать, что его плечо сейчас отвалится.

— Это детский, — усмехнулся Ратибор. — Рабочий вон там, в углу. Но сначала — контроль. Твоя магия земли не в молоте. Она в тебе. Если ты не научишься её гасить, каждый твой удар будет вышибать дверь с петель. А то и стену.

— И как гасить?

— А вот так.

Ратибор подошёл к наковальне, положил на неё полосу железа и ударил молотом — обычным, без магии. Звон пошёл чистый. Потом он ударил ещё раз, и Денис почувствовал, как пол под ногами дрогнул. Кузнец использовал магию — совсем чуть-чуть, но земля отозвалась.

— Чувствуешь? — спросил Ратибор. — Это отклик. Магия не командует землёй. Она просит. А земля отвечает. Если ты грубишь — она скидывает. Если ты вежлив — поднимает. Понял?

— Я программист, — сказал Денис. — Я привык, чтобы команды выполнялись.

— Тогда у тебя будут проблемы. Бери молот. Проси.

Денис взял молот. Подошёл к наковальне. Почувствовал, как под подошвами лаптей пульсирует земля. Тёплая, живая, недоверчивая.

— Пожалуйста, — сказал он земле. — Помоги мне ударить.

И ударил.

Наковальня ушла в пол по самую верхушку. Кузница вздрогнула, с крыши посыпалась труха, а Ратибор, который стоял в трёх шагах, оказался сидящим на земле с выражением глубокого философского смирения.

— Плохо, — сказал кузнец, вставая и отряхиваясь. — Но не безнадежно. Ты попросил. Это уже много. Теперь научись просить не так громко.

Тем временем в священной роще Алиса впадала в отчаяние. Ведома дала ей задание: собрать семь трав для утреннего обряда и, самое сложное, «цветок папоротника», которого не существует в природе, но который, по словам старухи, «цветёт только для тех, кто умеет ждать».

— Вы издеваетесь? — спросила Алиса. — Папоротник не цветёт. Это биологический факт.

— В твоём мире, — ответила Ведома, — не цветёт. В нашем — цветёт раз в год, на Купалу. А сегодня канун Купалы. Так что смотри в оба.

Алиса пошла в глубь рощи. Там было сыро, темно и пахло лесом. Она нагнулась за зверобоем и вдруг услышала шёпот. Сотни голосов, говоривших на разных языках, но все они означали одно: «Чужая. Не наша. Уходи».

— Я не чужая, — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я Беяна. Теперь. Шёпот стих. Потом один голос, самый старый, прошелестел: «Докажи».

— Как?

«Спой. Песню земли. Ту, что знают только свои».

Алиса замерла. Она не знала никаких песен земли. Она знала посу и речитатив из научпоп-роликов. Но она была блогером. Она умела импровизировать.

Она запела. Не словами — просто звуком, низким, грудным, который родился где-то в животе и пошёл вверх. Она пела о том, как семя прорастает сквозь тьму. О том, как корни пьют воду. О том, как лист тянется к солнцу. Она понятия не имела, откуда это взялось — из новой памяти Беяны, из древних инстинктов или из того отvara из мухоморов, который она выпила утром. Но лес слушал. А когда она замолчала, на ладони у неё лежал цветок папоротника — золотистый, горячий, как маленькое солнце.

— Принимают, — сказала Ведома, появляясь из-за дерева. — Теперь ты настоящая. Пойдём. Пора учить зелья.

Кузнец, к которому его отправили Илью, была женой Ратибора — Лада, женщина с руками, которые могли завязать в узел подкову. Она выдала Илье щит — липовый, окованный железом, тяжёлый, что у Ильи сразу заболело плечо.

— Это не щит, — сказал Илья. — Это дверь с петлями.

— Это жизнь, — ответила Лада. — Страж границы не имеет права умирать. Потому что если он умрёт — умрут все за его спиной. Держи ровно.

Она ударила мечом по щиту. Илья устоял, отшатнулся на шаг. Лада ударила снова — сильнее. Ещё шаг. Илья оказался у стены кузницы, а его руки дрожали, щит ходил ходуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.